



## ЭТНОГРАФИЯ

*A. A. Желтов*

### ЭТНОЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ НАСЕЛЕНИЯ ВЫТЕГОРСКОГО РАЙОНА

При изучении народных традиций следует помнить, что традиционная культура играла важную роль в приспособлении общества к местной природной среде. Природные условия вологодских земель большую часть года не назовешь комфортными, и именно адаптивные механизмы, сформировавшиеся в материальной и духовной культуре, позволяли населению успешно существовать, несмотря на суровость местного климата. Изучение системы жизнеобеспечения населения и тех аспектов материальной культуры, которые испытывают наибольшее влияние со стороны природных условий или призваны компенсировать неблагоприятные особенности среды, явилось одной из задач комплексной экспедиции, работавшей в Вытегорском районе в июле–августе 2002 года<sup>1</sup>.

В ходе работы экспедиции были обследованы районы Шимозерья, Куштозерья, Ундозерья и Ежозерья (местности поименованы по однотипным озерам)<sup>2</sup>. Сейчас это малонаселенная глубинка на юге Вытегорского района, и жилые деревни сохранились лишь в окрестностях Ундозера и Ежозера.

В прошлом эта территория была довольно хорошо заселена, и по берегам озер размещались десятки многодворных деревень. По данным Списка селений в Олонецкой губернии<sup>3</sup>, во второй половине XIX века в Шимозерской волости Лодейнопольского уезда Олонецкой губернии в Первом Шимозерском обществе (Шимозерский куст деревень) насчитывалось 15 деревень, где проживало 665 человек обоего пола, а во Вто-

ром Шимозерском обществе (деревня Пелкасса с соседними деревнями) было 13 деревень и 666 жителей. Куштозерье, Ундоузерье и Ежозерье в это время входили в состав Коштугской волости Вытегорского уезда в качестве отдельных обществ. Особенно большим было Ундоузерское общество, насчитывавшее 20 деревень, где проживало 1037 человек. Впрочем, Куштозерское общество, насчитывавшее 15 деревень с населением 852 человека, и Ежозерское общество в составе 10 деревень и 607 человек тоже были хорошо населенными.

В настоящее время южная часть Вытегорского района Вологодской области является малонаселенной, а изменение численности населения здесь приобрело ярко выраженный сезонный характер: летом численность населения примерно в 5 – 6 раз выше, чем зимой. Однако и летом 2002 года на Шимозере были обитаемы лишь 5 домов (три в деревне Шимозеро и два в деревне Пелкасская). В начале же XX века только в деревне Конец (Фоминская), бывшей составной частью куста деревень Шимозеро, насчитывалось 90 дворов, а в деревне Пелкасская, но оценкам местных старожилов, «до войны было около 70 – 80 дворов в трех деревнях на Пелкасской, а жителей в них было около 300 – 400 человек. Воевали в годы Великой Отечественной войны около 40 человек, 32 из них погибли. Сейчас ни одного человека здесь не живет»<sup>4</sup>. В то же время рыболовов и охотников, по сведениям местных жителей, приезжает в Шимозерье в сезон до 200 человек. В районе Куштозера не сохранилось к настоящему моменту ни одного жилого населенного пункта, но летом (и, вероятно, в другие сезоны года) на берега озера съезжаются группы рыболовов-любителей.

Наиболее густонаселенный район из обследованных экспедицией – Ундоузерье, где сохранилось несколько жилых деревень. По данным официальной статистики, жилыми деревнями являются Ундоузерский Погост (28 жителей), Бараново (8 жителей) и Мошниковская (7 жителей), а деревни Замошье, Митино, Федоровская, Ясково фигурируют как не имеющие населения. В Ежозерье осталась лишь одна жилая деревня – Ежозерский Погост (11 жителей)<sup>5</sup>.

Западная и юго-западная части обследованной экспедицией территории до середины XX века заселялась вепсами (местами они живут там и сейчас), а восточная и северо-восточная части – старый район проживания русских. Благодаря тому, что обе этнические группы оказались охвачены маршрутом экспедиции, представилась благоприятная возможность сравнить особенности приспособления культуры обоих народов к одинаковым природным условиям. В самом общем виде установлено большое сходство в культурных традициях соседних народов. Культура русского населения Ундоузерья, Куштозерья и Ежозерья по многим своим особенностям оказалась ближе к традициям вепсов Шимозерья, чем к культуре населения прочих вологодских земель и Прионежья. Несмотря на то, что

природная среда в этом районе мозаична и районы проживания вепсов и русских отличаются некоторым своеобразием; причину сходства нужно видеть скорее во взаимных культурных влияниях, вызванных близостью проживания, чем во влиянии природной среды. Тем более, что общие с другими вологодскими территориями культурные традиции населения юга Вытегорского района многократно преобладают над обнаруженными различиями.

### Земледелие

В основе хозяйствования и системы жизнеобеспечения населения юга Вытегорского района лежало трехполье с сохранением большой роли подсенного земледелия. Такое положение отмечается как в доколхозный период, так и в первые десятилетия существования колхозов. Соотношение земледельческих систем (трехполя и подсеки) в первой половине XX века несколько отличалось в разных частях обследованной в ходе экспедиции территории. Так, в западной ее части, у вепсов Шимозера, подсечное земледелие имело гораздо большее значение, чем на востоке — у русского населения Ундозерья. Различным было соотношение земледельческих систем и в разные временные периоды. На памяти старожилов Шимозерья наиболее широкое применение подсеки происходило в 20-х годах XX века, когда было разрешено свободное пользование землей (в том числе и лесными участками), а колхозы еще не появились. «В 1921–1922 годах Ленин разрешил рубить казенный лес, и у всех зерна было много. Урожай был такой, что все амбарчики заполнили. До 1929 года<sup>6</sup> люди очень богато жили»<sup>7</sup>. Причина подобного изобилия — большая урожайность подсенного земледелия по сравнению с трехпольным. Даже в очень неблагоприятных агроклиматических условиях современной республики Коми (прежде — часть Вологодской губернии) урожайность на подсеке достигала сам-50 — сам-70, а при трехполье составляла лишь сам-4<sup>8</sup>.

Большая роль трехпольного земледелия на территории современного Вытегорского района (не только в пределах охвата экспедиционными исследованиями, но и гораздо шире) была вынужденной, навязанной государством. Изначально в Прионежье, как у вепсов, так и у русских, господствовало подсечное земледелие. Занятие свободной земли первонациально на Руси не возбранялось, и более того — самочинно занятая и распаханная земля становилась собственностью земледельца. Положение изменилось при Петре I, который крупные лесные массивы объявил «корабельными рощами» и запретил в них рубку леса (и соответственно подсеку). Впоследствии указы, ограничивавшие рубку леса и в особенностях подсеку, издавались другими российскими монархами. Прионежье из-за своего стратегического положения вблизи Санкт-Петербурга пост-

радало сильнее, чем другие, менее доступные территории Севера. Удобство расположения прионежских лесов для балтийского судостроения определило более строгий контроль над рубкой леса и большую долю лесов, вошедших в состав «корабельных». Например, коми-зыряне на своих территориях, удаленных от балтийского региона, имели возможность сохранять у себя подсеку и в XIX–XX веках.

Переход от подсечного земледелия к трехполью в Прионежье оказался неудачным, хотя в некоторых районах Вологодской губернии трехпольное земледелие было эффективно. В частности, в конце XIX века в Тавреньгской волости, на западе Вельского уезда, при трехполье получали неплохие урожаи: «...на хорошо сдобренной земле рожь родится сам-8–10, а иногда сам-12»<sup>9</sup>. Тавреньга считалась хлеборобной местностью в уезде, производившей хлеб не только для себя, но и для соседей. Высокая урожайность при трехполье была возможна лишь при условии хорошей удобренности земли, поэтому крестьяне Тавреньги держали много скота: «...обычно среднезажиточный крестьянин имел от 10 до 15 коров, 2 лошади и до 20 штук овец»<sup>10</sup>.

При слабом развитии животноводства населению Прионежья удалось наладить у себя только самое примитивное и очень малопродуктивное трехполье, которое сочеталось, где только возможно, с подсекой. Подобный способ хозяйствования не мог обеспечить население собственным зерном, в результате чего большое развитие получили вспомогательные промыслы.

Проблему недостаточной продуктивности земледелия у крестьян южного Прионежья еще в 1791 году отмечал П. И. Челищев, проезжавший здесь по заданию Вольного экономического общества<sup>11</sup>. И в конце XIX – начале XX века проблема обеспеченности населения зерном собственного производства оставалась столь же острой. В частности, в заметке 1912 года<sup>12</sup>, посвященной территории Куштозера, сообщается о том, что «своим хлебом кормится не более 3–5% крестьян; вся же остальная масса в течение 6, 8 и даже 10 месяцев в году ест хлеб покупной». При этом автору заметки известно, что прежде (20–30 лет назад) крестьяне Куштозерья обходились своим хлебом. Когда же он начинает спрашивать местных крестьян о причинах современного ему упадка, то получает ответ: «Что старики? Им полдела было жить. Пахали они больше в лесу и рубили самые лучшие места — оттого и хлеб у них был». Таким образом, в XIX веке не только у вепсов, но и у русских юга современного Вытегорского района подсечное земледелие имело основополагающее значение.

Технология подсечного земледелия Прионежья отличалась от применявшейся в восточной половине Вологодской области. На востоке области лес по осени вырубали, а если предполагали участок включить в трехпольный севооборот, то и пни корчевали. Большие деревья в XIX–XX

веках уже не оставляли на участке, а увозили в деревню для нужд строительства. Оставшиеся на подсеке мелкие деревья и ветки за зиму высыхали, и их по весне сжигали. Процесс выжигания подсеки на востоке области крестьяне контролировали, и горящие сучья и бревна перекатывали по участку для лучшего сгорания и полного прогрева всего участка огнем пала. Земля на подсеке не пахалась, а немного рыхлилась бороной-суковаткой.

В Прионежье отмечают другой, более простой способ устройства подсеки. Здесь нередко вырубали только мелкую поросль — подлесок, оставляя стоять крупный лес. Большие деревья только окольцовывали, то есть снимали по окружности ствола кольцо коры, что приводило к высыханию дерева. Подсека расчищалась не топорами, в которых не было необходимости, а так называемыми косарями<sup>13</sup>. Когда к весне лес на вырубленном участке высыпал, его поджигали, но не следили за огнем. Впрочем, по данным экспедиции, подобный варварский способ выжигания подсеки зафиксирован не был. Напротив, в районе Ежозерья существовала технология подсечного земледелия, полностью сходная с описанной для Вологодской губернии. По словам местных жителей, «лес вырубали, и это валище зажигали, а пока оно горит, пехали [толкали, перекатывали. — А. Ж.] аншпугами<sup>14</sup>», что полностью соответствует технологии традиционного подсечного земледелия восточных районов Вологодчины.

На вновь выжженной подсеке в первый год обычно сеяли репу, а на второй — зерновую культуру (как правило, рожь). На третий год<sup>15</sup> подсека или забрасывалась, или же на ней могли посеять овес, не ожидая, однако, большого урожая. Такая практика, даже несмотря на столь краткое использование подсеки, оказывалась в условиях Прионежья, как и других районов Русского Севера, более перспективной, чем трехпольное земледелие. При трехполье урожай зависел от количества внесенных удобрений, для производства которого нужно было держать много скота. Иначе говоря, эффективное трехпольное земледелие требовало значительного начального капитала, наличия обширных сенокосных угодий и специфических навыков и знаний.

Тем не менее земледелие составляло основу в обеспечении продуктами питания населения юга Вытегорского района, что сближает местную систему жизнеобеспечения с восточными и южными вологодскими землями. Из зерновых выращивали преимущественно рожь и овес, в меньшей степени — ячмень. Аналогичное соотношение зерновых посевов было и в других волостях Вытегорского уезда<sup>16</sup>. Из зернобобовых важной для пищевого рациона культурой был также горох.

До второй половины XIX века «после хлеба и рыбы репа составляет главную пищу крестьян»<sup>17</sup>. Несмотря на то, что репу постепенно вытеснила новая овощная культура — картофель, она продолжала употребляться в пищу в больших количествах еще и в первой половине XX века. Репу

выращивали преимущественно на выжженных в лесу участках — подсеках. Такая особенность отмечалась как в Шимозерье, так и в Ундовзерье: «...репу сеяли в лесу — сначала вырубали, затем жгли, распахивали и сеяли репу. Мелкие деревья рубили косарями, а крупные деревья — топорами. Мама рассказывала, что в доколхозное время называли — “пал прятать”»<sup>18</sup>. По мнению местных жителей, репа на огороде не вырастает столь хорошей и крупной, как на подсеке: «...сейчас репа на грядках в огороде не растет, разве что в лес пойдешь пал прятать».

Репа составляла важный элемент в питании населения. Хотя картофель потеснил ее с позиций основных блюд, но она стала чаще использоваться в качестве десерта как в свежем виде, так и в пареном, и в печеном, и в сущеном: «...репу парили на пару и пекли». Кроме того, квас чаще всего делали здесь из репы и его употребляли не менее, чем другие виды напитков, такие, как хлебный и ягодный квасы или морковный чай. Значение репы в питании вепсов отмечалось в XIX веке В. Н. Майновым: «Репа в ухе не зазорна, и пекут ее, и парят, и варят, и сырьем едят; репе почет повсюду на Веси, без репы весин и за стол не сядет, не дал Бог хлебца вволю, чтобы наварить кваску да пива, так и тут репа новую службу сослужила, родилась сочна, а соку можно выжать да дать ему выбродить — вышел репный квас... опять без него стол не в стол, а еда не в еду...»<sup>19</sup>. Причину столь значительной роли репы он видел в отсутствии других овощных культур у вепсов: «За все те овощи, которых частью Бог не дал, а частью невзлюбил чудин сам но себе, отдувается репа — “ананас русский”».

На Шимозере, по экспедиционным данным, из других овощных культур в начале XX века выращивали морковь, редьку и капусту. Однако капуста и морковь в вологодских землях до середины XX века выращивались лишь в отдельных местностях. Были ли известны данные культуры обитателям исследуемого района в XIX веке? Вопрос пока не имеет отчетливого ответа. Скорее всего, они появились в изучаемом районе не раньше начала XX века. Хотя мы не располагаем этнографической информацией по XIX веку для обследованных экспедицией местностей, но такие данные имеются по территории верхнего течения реки Оять, непосредственно располагающейся по соседству с Шимозерьем и также населенной вепсами. Их приводит в своей работе, посвященной антропологии вепсов, В. Н. Майнов, побывавший в Приоятье с исследовательскими целями во второй половине XIX века. В частности, он объясняет отсутствие овощных культур преимущественно местными природными условиями: «Мачеха-природа не дает в Чудской край ходу капусте; ... лук никак не может справиться с поздним теплом да ранним холодом; до хрена-горлодера, что от «десенной болести» пригоден, не додумался чудин, а за неимением всех трех овощей страдает он от цынготной немочи почти повально...»<sup>20</sup>.

Обращает на себя внимание вывод о недостатке в питании у вепсов Приоятья витамина С, вызванного отсутствием необходимых элементов в питании. Подобную обусловленность нужно признать справедливой, но объяснять отсутствие необходимых овощей местными агроклиматическими условиями довольно наивно. Как показывает современная земледельческая практика, капуста и лук прекрасно растут севернее Приоятья. Причины отсутствия многих овощей у вепсов объясняются культурогенными процессами, а не природно-климатическими условиями. В этнографических работах отмечается, что ранее не выращивавшиеся овощные культуры начинают возделываться в верхнем течении реки Оять в 1920-х годах: «Во многих деревнях значительная часть усадебных участков отводится под посев ржи, овса, льна и конопли. Огорода разводят сравнительно мало. На огородах садят картофель, затем в небольших количествах лук, брюкву и капусту. Морковь, свеклу, огурцы почти не разводят»<sup>21</sup>. Процесс проникновения в жизнь и быт вепсов Шимозерья новых овощных культур происходил, возможно, с некоторым опережением по сравнению с Верхним Приоятьем. Так, огурцы в Шимозерье (и среди русского населения всей современной Вологодской области) стали выращивать начиная с 1924 года, когда их еще не было в Приоятье. Однако набор овощных культур в регионе долгое время оставался весьма ограниченным. Например, в деревне Сельга (район Ежозера) на огородах выращивали морковь да лук в небольших количествах. Тогда как капусту и свеклу в доколхозный период не выращивали, «а огурцы тоже — даже в колхозе не растили». В той же местности, как оказалось, не выращивали также хрень и хмель (в целом традиционные для вологодских земель культуры).

Сравнивая состояние здоровья вепсских и русских рекрутов, В. Н. Майнов находит его лучшим у последних, что объясняет заменой в их питании недостающих овощей дикорастущим щавелем: «Русский человек на севере расстарался, разыскал подспорье в диком щавеле и других травках, что не боятся короткого северного лета»<sup>22</sup>. Подобную традицию также можно отметить у вепсов Шимозерья<sup>23</sup> и в окрестностях Ундозерского Погоста<sup>24</sup>.

## Рыбная ловля

Заметное место в системе жизнеобеспечения местных жителей играло рыболовство. Впрочем, по сравнению с районами, прилегающими к Онежскому озеру, где рыба составляла основу питания<sup>25</sup>, здесь она имела меньшее значение, но существенно большее, чем в рационе крестьян Вологодской губернии, которые употребляли рыбу очень редко, только на праздники. Для районов Заонежья литературные источники второй половины XIX — начала XX века упоминают не только широкое использование в

новседневном питании жареной и вареной рыбы, но и употребление вместо хлеба сущеных сигов<sup>26</sup>. Во многом такая особенность питания была связана с недостатком зерна собственного производства и отсутствием у заонежских крестьян средств на его покупку. Такая особенность отмечалась В. Дацковым еще в первой половине XIX века: «... не так отрадно глянуть на крестьянский обед: рыба да лепешки, перемешанные с древесной корой, составляют обыкновенное кушанье крестьян. ... всегда можно знать, как близко селение, по обнаженным соснам, с которых кора снята жителями для употребления в пищу»<sup>27</sup>.

На юге Вытегорского района, как и в других районах Прионежья, «рыбу ловили помногу. Рыбу могли и каждый день есть, но скот был — мясо овечки, свиньи. Старались разнообразить, то рыбу ели, то мясо»<sup>28</sup>; «Много рыбы ловили. В войну рыбой и жили»<sup>29</sup>. Рыбу ловили в озерах, в приозерных карстовых воронках, в речках и ручьях. Особенно изобильны рыбой были карстовые воронки, называемые местным населением «ямами», в которые иногда уходит вся вода из озер. Так, на Шимозере «раньше в Черной Яме (карстовая воронка рядом с Шимозером. — А. Ж.) вепсы рыбу ловили неводом. Привозили на телегах и всем бабушкам старым, кто рыбу ловить не может, выделят»<sup>30</sup>.

В Шимозерье «ловили, что есть. А у нас и водится только окунь, плотва, щука, ерш и еще, у нас салакой называется, а так она уклейка»<sup>31</sup>. Почти тот же состав рыб нам воспроизвели в Ундозерье. Примечательно, что везде — в Шимозерье, в Ундозерье и на Ежозере — существовал только один способ сохранения рыбы — сушка, не упоминалось даже соление рыбы, хотя засолка широко применялась для сохранения мяса.

Обращает на себя внимание, что «неводом и мутником» ловили много мелкой («там редко крупная попадалась») рыбы (щучек, окуньков, плотвичек), из которой делали сушик<sup>32</sup>. Технология приготовления сушика была достаточно проста: «...рыбу очищают, вымывают и в печку на несколько часов. Готовили сушик в основном без соли, а можно и с солью»<sup>33</sup>.

В ходе экспедиционного исследования удалось выявить сезонность рыбной ловли. На Шимозере «подледного лова не было. Рыбу ловили преимущественно весной и в меньшей степени осенью. Осенью ершей ловили. Весной рыбу сушили — запасали на зиму. Летом тоже рыбу ловили, но понемногу, только для еды — сразу же свежей употребляли в пищу»<sup>34</sup>. Впрочем, в деревне Фоминская «рыбу ловили, когда была необходимость. И зимой иногда ловили — в прорубь опускали неводок. На Черной Яме рыбу ловили сачками зимой»<sup>35</sup>.

Для ловли рыбы применялись разные приспособления: крупную рыбу ловили сетями, а для ловли мелочи применялись невода и мутники. Существовали также ловушки для рыбы — мерды и мережи: «Мерды делали из маленьких сосенок в виде ящика, обтянутого обычной сеткой (сетью); мережи были с кольцами и с сеткой. Ставили их на ручьях, где

видели, что рыба ходит»<sup>36</sup>. На Шимозере тоже использовали мережи: «Ловили также на удочку и мережи ставили. Мережи делались из полу-круглых дужек, и сетка по ним идет и сужается»<sup>37</sup>. Очень примечательным является тот факт, что и в Шимозерье и в Ундоузерье сети, невода и сетку для мереж плели только из льняных ниток, в то время как обычно в Олонецкой и Вологодской губерниях для производства рыболовных сетей крестьяне выращивали коноплю: «Рыболовные сети приготавляются мужиками зимой из конопляной кудели»<sup>38</sup>.

Отчасти это можно было бы объяснить тем, что, по свидетельствам старожилов, из разных селений, расположенных по берегам Ундоузера, в данном районе «выращивали только лен. Коноплю не выращивали», «веревки делали из льна — вручную крутили»<sup>39</sup>. Однако феномен использования льняных сетей вместо конопляных не объясняется одним фактом отсутствия традиций выращивания конопли. Так, вепсы Шимозерья коноплю все-таки выращивали, но использовали ее только как масличную культуру, получая наряду с льняным маслом еще и конопляное.

При всем значении, что имела рыбная ловля для жизнеобеспечения населения, она оставалась только подсобным занятием, а основное время поглощали земледелие и сопутствующие ему занятия. «Рыболовством занимались в свободное время. Если на сенокос шли, забрасывали невод и обратно шли — вынимали»<sup>40</sup>.

Многими местными жителями отмечаются неписаные правила, обеспечивающие постоянную численность рыбы в озерах, в частности, ограничение и запрещение лова рыбы во время нереста. Чтобы в озерах развелось больше рыбы, «старики специально делали нерестилища и, когда на нерест шла рыба, старались не ловить»; «для нерестилища забивали в дно озера еловые сучковатые палки, и на них отпускала рыба икру»<sup>41</sup>. В настоящее же время отмечается хищнический вылов рыбы. На это нам жаловались как в районе Шимозера, так и на озерах Ундоузерской группы: «Приедут из города во время нереста, наставят сетей и мешками рыбу увозят. Контроля нет никакого»<sup>42</sup>.

## Сбор грибов и ягод

Значение сбора грибов и ягод в жизнеобеспечении населения данного района и всего Русского Севера трудно переоценить. Многие виды витаминов, необходимых для нормальной жизнедеятельности, местное население получало только из ягод. Значение же грибов в питании связано не столько с полезными веществами, в них содержащимися, сколько с восполнением их объемом недостатка других продуктов питания. Такая роль грибов в питании вепсов Верхнего Приоятья была подмечена В. Н. Майновым: «Великим подспорьем в пище являются для чудина грибы — вол-

нушка и рыжик; хлеба не рожает земля, которая тем не менее все-таки обладает и здесь престижем «кормилицы-матушки», но зато по всем сухоболотьям дает она видимо-невидимо всякого гриба, который, однако же, не сплошь полюбился чудину, и только волнухи и рыжики пользуются на Ояти особым почетом: волнухи и варят и солят — любимое чудское кушанье — «сень»; сварила чудниха волнухи да поджарила их с толчеными конопляными семечками»<sup>43</sup>.

И вепсы Приоятия и русские Севера собирали преимущественно волнушки и рыжики, а затем солили их про запас на зиму. Так, по воспоминаниям Матвея Федоровича Омшева, «грибы собирали и хранили в бочках двух сортов (разновидностей). Каждый хозяин готовил бочку (ведра 4–5) грибов резаных, соленых, а также целеньких грибов бочечку на ведра 2–3». Грибы, которые можно сушить (белые и другие), стали собирать только в последнее время. Как объяснили сами жители Ундозерья, раньше их почти не было, и только в последнее время они появились в большом количестве. Возможно, все действительно так и было (подобная закономерность отмечается и в других районах Русского Севера), и изобилие некоторых видов грибов (сейчас типичных для Вологодчины) появилось в связи с распространением мелколиственных лесов, развившихся на заброшенной пашне.

При всем значении для жизни сбор грибов считался второстепенным занятием, и им занимались в свободное время (случалось очень редко) или урывками между прочими занятиями: «Грибы как первые начнут в лесу появляться, так по пути на сенокос их собирают и варят, а волнушки заготовляли на зиму»<sup>44</sup>.

По сведениям, записанным в Шимозерье, летом там собирали и ели разнообразные дикорастущие ягоды, но на зиму запасали в основном клюкву и бруснику: «Клюкву собирали и хранили в бочке ведер на 5–8, в ней она сохранялась залитая водой всю зиму до весны. Бруснику тоже в бочках сохраняли, но мятую, чтобы находилась в собственном соку, так как клюква не портится, а брусника портится»<sup>45</sup>. В небольших количествах делали запасы сушеных ягод — малины и черники, но скорее в лекарственных целях, нежели в гастрономических. Впрочем, изредка и сушевые ягоды использовались для приготовления выпечки и других блюд народной кухни.

В районе Ундозера собирали и другие дикорастущие ягоды, но в целом картина их сохранения и использования сходна с отмеченной у вепсов в Шимозерье: «В лесу собирали чернику, малину, морошку, землянику, клюкву. Варили варенье, а чернику можно сушить. Клюкву в ящик вываливали и так сохраняли, а можно и мхом переложить. Бруснику растворишь и нужно хранить в деревянной кадушке. В эмалированных кастрюлях эмаль выходит от кислоты. У меня 20 литров было к зиме насобирано брусники толченой. Голубику раньше собирали, а теперь исчезла.

Раньше ее очень много было около деревни Остров, но после того как стали туда выгонять колхозную скотину, она почти исчезла»<sup>46</sup>.

Традиция широкого использования дикорастущих видов не была особенностью описываемой территории. Почти в том же самом виде она встречалась и в других районах Севера: «В летнее время женщины и дети занимаются собиранием грибов, ягод и различных медицинских растений, как-то исландского мха, можжевельника и можжевеловых ягод. Грибы сушат и продают в городе»<sup>47</sup>.

### Обеспечение продуктами животного происхождения

В питании населения юга Вытегорья использовалось в основном мясо домашних животных и почти отсутствовала дичь. Иначе говоря, охота не играла существенной роли в системе жизнеобеспечения большей части населения. При этом набор домашних животных в период традиционного крестьянского хозяйствования был довольно ограниченный. По сведениям, собранным в ходе экспедиции в районе Ундоозерья, там «из домашних животных держали коров и овец. Свиней до войны не было, а уже после войны они начали появляться. ... кур разводили»<sup>48</sup>. Такая ограниченность состава домашних животных была характерна для большинства районов Северной и Центральной России. Например, в Вологодской губернии в XIX веке в большинстве крестьянских хозяйств свиней также не разводили. А начали их повсеместно выкармливать уже со второй половины XX века. Численность домашних животных в хозяйствах населения юга Вытегорского района была небольшой из-за недостатка пастбищ и сено-косов: «За деревней километров 10—15 делали забор и пускали скот в лес пастись. Забор нужен, чтобы дальше скот не ушел и знали, где искать. Пастухов нанимали из своих же деревенских людей. Пастухи пасли только коров. А овец не знаю, кажется, так пускали [то есть сами по себе, без контроля паслись. — А. Ж.]. Лошадей отпускали на воскресенье, но колокольчики были у лошадей и коров»<sup>49</sup>.

По осени излишний скот забивали, «все мясо солили, а затем весной вешали на улице под крышей [на фронтонае дома] ... чтобы во время сено-коса было мясо для варки»<sup>50</sup>.

### Колодцы и источники воды для нужд населения

Воду для домашних нужд и для приготовления пищи в районе Шимозера брали из колодцев: «У каждого дома или на 2—3 дома всегда колодец. У скотного двора (в колхозе) был большой колодец. Колодцы делали неглубокие, глубиной на 2 метра, ну на 3 метра. В зависимости от места, где находится колодец, вода в нем разная по качеству»<sup>51</sup>. «Колодцев много было, хотя и озеро близко. Хотя деревня и на горке, а вода в

колодцах близко и чистая. Очень хороший колодец был посредине деревни — глубокий и чистый»<sup>52</sup>.

В Шимозерье грунтовые воды очень близко подходит к поверхности, и уровень воды в колодце стоит почти на уровне земли. Поэтому устройство колодцев было самое простое, без сложных приспособлений для подъема воды, наподобие колес, воротов или журавлей, встречавшихся в других местностях. Для подъема воды из колодца пользовались берестяными емкостями, прикрепленными к длинной палке. Устройство самого колодца было следующее. В колодезную яму опускали деревянный сруб, возвышавшийся над поверхностью земли на 2–3 венца. Сверху сруб, чтобы дождевая вода не попадала в колодец, перекрывали покатым тесовым настилом, в котором оставляли отверстие, закрывающееся дверцей.

В Ундозерье и Ежозерье воду для приготовления пищи, питья и других нужд брали из озер, что объясняли плохим качеством колодезной воды. Тем не менее в тех же озерах, откуда брали питьевую воду, мочили лен и липовую кору для получения лыка. Как известно, продукты протекающих при этом биохимических процессов сильно загрязняют водоем. В небольших прудах, где население других мест вымачивало липовую кору, никогда не водилась рыба. В данном отношении вепсы Шимозерья, хотя и пользовались колодезной водой, поступали более практично — «вымачивали лен в ямах на болотце»<sup>53</sup>.

И в настоящее время, несмотря на ухудшение качества озерной воды в результате эвтрофикации водоемов, население, не имея других источников, продолжает пользоваться озерной водой.

### Изба (жилище)

Представление о традиционном (на начало XX века) жилище населения юга Вытегорского района удалось сформировать в результате изучения сохранившихся построек в сочетании с расспросами старожилов. В целом оно имеет много общего с особенностями устройства жилища у населения остальной части Вологодской области.

Жилище сооружалось из бревен местных хвойных пород дерева — сосны и ели — и имело срубную конструкцию. Соединение бревен сруба практиковалось самым распространенным на Русском Севере способом — «в чащу» («в обло», «в угол»). Бревна для жилища и построек крестьяне заготавливали на общественных (общинных) лесных участках и доставляли в деревню по воде, связав их в виде плотов<sup>54</sup>.

Сруб избы для тепла проконопачивали мхом «кукушкин лен» (*Polytrichum*). Избы были достаточно теплыми, так что никаких дополнительных мероприятий для теплоизоляции стен избы на зиму не проводили. В отличие от более южных районов Вологодской области и областей Верхней Волги, где на зиму с наружной стороны избы сооружали

соломенные завалины, здесь «снаружи домов ничего не подваливали. Только в подполье окошки<sup>55</sup> на зиму закрывали. Да иногда, когда много снега — до окон, снег (сугробы) накидывали»<sup>56</sup>. Конечно, снег является хорошим теплоизолирующим материалом, однако снежные сугробы не улучшали теплоизоляцию не прикрытой ими стены, и к тому же данный способ утепления использовался лишь во время многоснежных зим. Поэтому основную задачу по сохранению тепла в жилищах выполняли срубные стены постройки. Об особенностях температурного режима, поддерживавшегося внутри жилища, в показателях физиологической комфортности можно судить по воспоминаниям старожилов: «Печь топили в основном утром. Если с утра печь протопишь, то до следующего утра тепло будет»<sup>57</sup>. Из дополнительных мероприятий по утеплению вспоминают, что «на зиму вторые рамы ставили. А если очень холодно, то меж рамами укладывали немногого сена, завернутого в ткань или бумагу по самому низу [валик диаметром 5 см]. По [периметру] двери прибивали соломенный жгут или войлок»<sup>58</sup>.

В отношении уже упомянутой традиции сооружения соломенных завалин можно сказать, что на Ундоозере она все же встречалась, но устраивали завалины вокруг хлевов: «...на зиму хлевины обкладывали снаружи сеном или соломой, если они холодные, а если теплые, не обкладывали»<sup>59</sup>.

Избы исследуемой территории строились в соответствии со сложившейся севернорусской традицией на подклетах (подъезбицах) — нежилых помещениях под полом. Высота подклета была меньше, чем на востоке Вологодской области, но больше, чем в Новгородской. В Шимозерье у вепсов к началу XX века сложилась традиция строить две избы — зимнюю и летнюю (рис. 1). Зимняя изба располагалась на очень низком подклете (всего лишь один-два венца от земли), который, естественно, никак не использовался. Пространство же подклета под летней избой использовалось для складирования (хранения) овощей или разнообразного инвентаря.

Сруб жилища устанавливали углами на основания, что, хотя и является широко известным приемом домостроительства у русских, на территории Вологодской области применялось не повсеместно. Нередко в отдельных местностях сруб укладывали прямо на землю, не заботясь о подкладках под углы. В районе же Шимозерья «при строительстве домов обязательно под углы камни подкладывали, а около крыльца всегда плоский камень положат. У церкви (у входа) даже плоский камень положен»<sup>60</sup>. Камни, положенные у входа, нам удалось наблюдать при сохранившихся старых избах. Назначение их очевидно — создать твердую поверхность на участке, где с наибольшей вероятностью должны возникнуть лужи и грязь, и таким путем уменьшить загрязнение жилища в период распутицы.

В деревнях по Ундоозеру срубы домов устанавливали как на камни, так и на «стулья» — вертикально зарытые короткие бревна. Под углы

дома подкладывали камни или обугленные деревья: «Обугленное, оно не огниёт долго». Другой защиты сруба от влаги не применяли. Нижние венцы сруба делали из того же дерева, из которого сооружали весь сруб. В качестве строительного материала могли применяться как сосна, так и ель: «Для сруба дома без разницы, какие [сосовые или еловые] бревна добывать, лишь бы по толщине подходили».

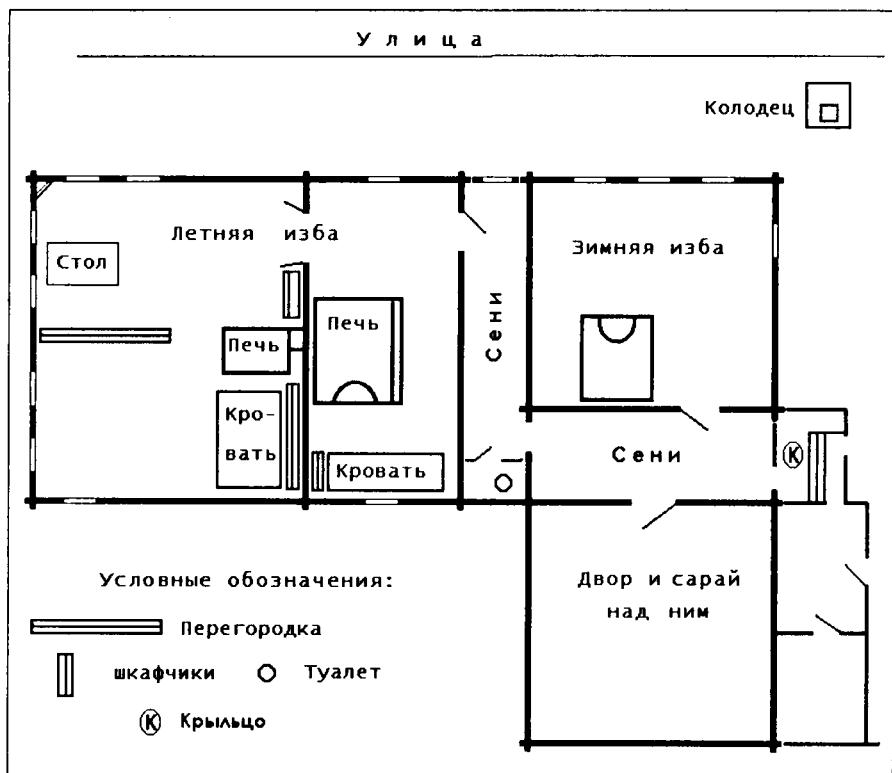


Рис. 1. План заброшенного дома в д. Фоминская (Конец), местность Шимозера

В планировочной структуре — в соединении дома и двора — как у венцов, так и у русских наблюдалась так называемая однорядная планировка, или изба бруском. Однако у венцов Шимозера при наличии двух изб (летней и зимней) она могла усложняться и переходить в Г-образную. Соединение летней и зимней изб, как мы имели возможность наблюдать, было не очень удачное: один из скатов кровли зимней избы выходил в соединительные сенцы между избами. При этом утрачивалось основное достоинство покатой крыши, при котором вода стекала с нее,

нигде не задерживаясь, и дождевая вода начинала скапливаться на месте стыка — над сенями.

Крыши и в Шимозерье и в Ундоузерье крылись преимущественно тесом. Тес изготавлялся вручную с помощью топора и имел специальную выпукло-вогнутую форму. Такой слабовогнуто-выпуклый тес на крыше располагался в два слоя: верхние тесины непрекрывали стык между нижними (рис. 2). В Шимозере местные жители уверяли, что у них никогда не покрывали крыши соломой. Однако во время экспедиции в Шимозере мы обнаружили дом, крытый дранкой (*щепой*), а покрытие дранкой, более позднее по времени распространения, приходило на смену соломенным, но не тесовым крышам. В Ундоузерье также большинство опрошенных старожилов заявляло, что соломенных крыш не было, хотя покрытие дранкой встречалось нередко. Наряду с этим в Ундоузерье удалось найти свидетельство того, что соломенная кровля изредка, но встречалась: «Крыши крылись не шифером, а тесом. Тес нилили и дорожили. Дранку драли и крыли ей крыши колхозных и своих дворов и изб. У нас в деревне Пантелейево дранкой была покрыта изба. Соломой тоже крыли, но не избы, а только дворы. У нас двор был соломой крыт, так когда весной корма не хватало, то солому снимали с крыши и скормливали скоту»<sup>61</sup>.

Соломенные двухскатные крыши, крытые под жердь, сюда, должно быть, проникли с более южных территорий — с Верхней Волги и ее притоков, где данный тип кровли местами господствовал. В предшествующие века влияние данной традиции, в XX веке с трудом проявляющееся в Вытегорском районе, достигало и более удаленных северных территорий. Так, в работе Н. Я. Озерецковского приводится гравюра с карельской избой конца XVIII века, крыша которой имеет типичные черты соломенного покрытия<sup>62</sup>.

В избах Шимозерья встречались севернорусская и западнорусская внутренние планировки (рис. 1, 3), а также планировка с центральным расположением печи, которую считают поздней по времени появления. Печи в домах даже у венцов Шимозерья строились по весьма типичному для разных районов России образцу (наверху с лежанкой), так называемые «русские печи». Такие печи до сих пор можно наблюдать в сохранившихся старых домах. На Шимозере и Ундоузере к началу XX века сооружали уже не глинобитные, а кирпичные печи, сложенные из самодельного (но обожженного, а не сырцового) кирпича: «Печки делали из кирпича. Кирпич сами делали из красной глины, мешали ее с песком. Каждый сам себе печь делал, [а] кто[-то] в помощь соседей брал»<sup>63</sup>. Такая традиция заменила прежние цельноглинобитные печи, о которых сохранились уже только смутные воспоминания: «Говорят, у моих бабки печь были из глины»<sup>64</sup>.

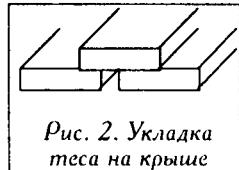


Рис. 2. Укладка теса на крыше



*Рис. 3. План дома М. Ф. Омшева, расположенного в д. Пелкасская (Пелкасса), местность Шимозеро*

Для топки печей могли использовать самые разные дрова, но считали, что «самые лучшие дрова березовые, да и тепла они дают больше. Много здесь было бересового леса, и дров бересовых много заготовляли»<sup>65</sup>.

### Усадебные постройки

Набор усадебных построек был довольно типичным для разных территорий Русского Севера. Можно привести описание, которое, хотя и относится к соседнему Каргопольскому уезду Олонецкой губернии, по-

чи полностью аналогично крестьянским усадьбам в описываемой местности: «...дома новые из толстых крепких бревен, почти все «пятистенки», крыты тесом, с чердаками на крыше и с большими светлыми окнами. Под одной крышей с домом находятся и другие постройки — дворы, хлевы, а над ними сарай. Сбоку обычно пристраивают «зимовки», в которой заручевлянин проживает добрую половину года. За сараев и хлевами, немного поодаль от них, идут амбары, каретники, бани, а в конце огорода, сажениях в 40—50 от сараев, находится гумно»<sup>66</sup>.

В пределах территории южного Вытегорья среди усадебных построек различия между Шимозерьем и Ундозерьем можно отметить лишь в постройках, предназначавшихся для сушки снопов. В Шимозерье для данной цели использовались риги, традиция сооружения которых, должно быть, занесена сюда с запада, а в Ундозерье — овины, по своим особенностям совпадающие с типичными для более восточных районов Вологодской области.

Некоторое различие между данными территориями наблюдается и в устройстве погребов (ям). Обычно овощи хранили в подполье под избой и только в случае высокого уровня грунтовых вод сооружали отдельно стоящие погреба. При строительстве погребов, пожалуй, отчетливей, чем в других постройках, проявлялся учет местных природных условий и микрорельефа местности. По воспоминаниям жителей Ундозерья, «отдельные от изб ямы строили на южную сторону, чтобы картошку не замораживало. Внутрь ямы ставили сруб, чтобы земля не обваливалась. Делали двойные двери, чтобы моглиходить и зимой. Но не каждый день ходили — набирали сразу на неделю. Сверху сруба сооружали настил-потолок, над ним еще двухскатную крышу и деревянную трубу — вывод. Если тесу не было, то на один год крышу ямы закрывали хвоей [лацником еловым]. Если ее правильно сделать, то будет дождь стекать. Хвою нужно менять каждый год».

Особые погреба, в которых хранили картошку и репу, сооружались в районе Шимозера. Отличительной особенностью их было более простое устройство. Они имели и иное предназначение — сохранять овощи на протяжении всей зимы: «Яму копали, затем обшивали ее деревом [досками] и делали внутри сусеки; положат овощи, а сверху земли навалят. До весны не открывали этот погреб, а то, что оставляли на зиму для собственного потребления, помещали в подполье»<sup>67</sup>.

### Временные жилища

Временные жилища сооружались на удаленных от деревни сенокосах, чтобы можно было переночевать несколько ночей и не затрачивать каждый день много времени на дорогу туда и обратно. Из-за своего временного назначения они сооружались на скорую руку и предоставляли

самые минимальные удобства для жизни. Наиболее простые из них — шалаши (рис. 4, 5) — предоставляли защиту только от дождя и от ветра. Более основательные — срубные избушки (станы) — позволяли еще согреться в холодную погоду. Общей особенностью для временных построек были их небольшой размер и простое устройство. Временное жилище предназначалось только для ночевок, и большие размеры для него были излишни.

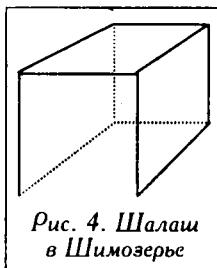


Рис. 4. Шалаши  
в Шимозерье

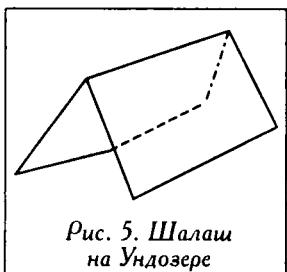


Рис. 5. Шалаши  
на Ундоузере

В Шимозерье из временных жилищ строились только своеобразные шалаши: «Когда на сенокос ходили, шалаши делали; три стенки и крыша навесом. Покрывали их корой словою или сеном, стенки тоже из подсобных материалов. Передней стенки не было. На месте ее костер разводили. Если далеко сенокос от деревни, то всей семьей могли неделю жить в таком шалаше»<sup>68</sup>.

На Ежозере встречались в качестве временных жилищ шалаши и станы — низенькие срубные избушки с земляным полом. По воспоминаниям Анны Абрамовны (1914 г. р.), жительницы деревни Ежозерский Погост, выбор типа временного жилища определялся следующими обстоятельствами: «В лесу, если далеко от дома, то шалаши делали из веток и сверху травой накрывали. Если пахали в лесу далеко от деревни, то станы, срубленные специально, очень низенькие, только на корячках занолзти туда».

Подобное положение с временными жилищами проявляется и в традициях Ундоузерья, как это можно видеть из рассказа Розы Георгиевны, жительницы деревни Ундоузерский Погост: «На сенокосах делали стан из теса. Стан очень невысокий — там иногда стоять нельзя было. Крыша на нем была односкатная — поменьше работы. У входного отверстия была дверца. Посредине стана жгли костер, а над ним размещалась труба (для вытяжки дыма). С боков размещали доски, а на них сено для лежанок. Шалаши тоже сооружали».

Юг Вытегорского района, таким образом, относится к ареалу временных жилищ севера Вологодской области, который совпадает с ареалом встречаемости длинных стогов-зародов. Примечательно, что на юге Вологодской области временные жилища на сенокосах сменяются сennыми сарайми, использовавшимися населением и для ночевок. В рассматриваемом районе сенные сараи на удаленных от деревни пожнях не встречались, что в целом характерно для ареала встречаемости зародов и станов на сенокосах.

## Одежда и обувь

Традиционная народная одежда в районе экспедиционного исследования изготавлялась самими крестьянами из имеющихся у них материалов — льняной и шерстяной пряжи, а для зимней одежды использовали овчину, получаемую от собственных овец. Одежда защищала преимущественно от холода и от ветра и не была рассчитана на защиту от дождя (особенно проливного). Однако летом в дождь, когда нельзя заниматься сельскохозяйственными работами, местное население, несмотря на незначительные водоотталкивающие качества одежды, ходило в лес по грибы или ягоды.

Традиционная обувь отличалась единобразием во всех посещенных нами районах. Зимней обувью были валенки, изготовленные специалистами-катальщиками из шерсти, полученной крестьянами от собственных овец. Летней обувью являлись берестяные лапти или саноги из кожи, получаемой крестьянами от своего скота. Впрочем, чаще всего летом ходили босиком. Вот как описывают сами местные жители бытовавшую в районе Ундоверского Погоста обувь: «Лапти делали из бересты. Лыковых не делали и других тоже. Одни лапти носились не меньше месяца, а то и все лето. Хватало одной пары. В нашей деревне только один пожилой мужчина делал лапти. Кожаную обувь делали — кожаные саноги. Кто богатый, сошьет себе саноги высокие — до паха. В школу бегали босиком и летом и осенью. Погреешь ноги и далее бежишь».

У вепсов в Шимозерье наблюдалось фактически то же самое: «Лапти плели только из бересты. Нарезали бересту для них тонкими лентами. Лапти в основном в лес ходить бабушка надевала. В мое время в лаптях уже не ходили. В них удобно на сенокос ходить: вода сразу вытекает, если попадет внутрь. Дети больше босиком ходили, а зимой в валенках»<sup>69</sup>. Использование в районе исследования только берестяных лаптей резко контрастирует с традициями расположенного недалеко от него Пестовского района Новгородской области, где бытовали липовые и лыковые (из ивового лыка) лапти, но берестяные были совершенно неизвестны.

## Транспортные средства

В традиционной культуре особенности транспорта прямо обусловлены природным окружением. Это проявляется как в наличии определенных типов транспортных средств, так и в их конструкции. Кроме того, на появление того или иного транспортного средства, а также на его конструкцию значительное влияние оказывает материал, идущий на его изготовление (как правило, разные породы дерева).

В южной части Вытегорского района сложился преимущественно приозерный тип расселения, в связи с чем особое значение приобретают разнообразные лодки. В Шимозерье до второй половины XX века со-



Рис. 6. Лодка —  
чевешка  
(вид сверху)

хранился старый тип долбленной из осины лодки, который в Ундоозерье не встречался уже в конце XIX века. Однако подобные долбленые лодки сохранились не только у вепсов, но и у русских в разных районах Вологодской, Новгородской и Архангельской областей. В частности, в северном Белозерье (Вашкинский район Вологодской области) они не только сохранялись, но и продолжали сооружаться до 1980-х годов. Подобное же длительное сохранение традиции изготовления долбленных осиновых лодок было зафиксировано нами в Пестовском районе на востоке Новгородской области.

В Ежозерье в начале XX века еще использовались «руганы» — тихоходные и маломаневренные транспортные средства, которые представляли собой две выдолбленные наподобие корыта деревянные колоды, скрепленные вместе. Лодки же были уже современные, сколоченные из теса, двух типов: 1) собственно лодки (по названию) — длинные, вытянутые и заостренные с обоих концов, они выдерживали до шести человек; 2) чевешки — маленькие, треугольные, с несколько уплощенным дном, которые выдерживали только двух человек. Чевешки имели прогулочное значение, а для всех остальных целей использовались лодки. По свидетельству Аины Абрамовны, жительницы деревни Ежозерский Погост, «лодки каждый не делал самостоятельно, покупали. Делали их в Лундозере».

Руганы упоминаются и на Ундоозере, где также не было долбленных из осины лодок, а нормальные лодки были сшитые (сколоченные) из досок (теса). «Руганы — долбленые лодки. Они использовались в деревне Лесы, которая находилась в 10 километрах от деревни Бараново, и на Салозере. Два корыта выдалбливали, соединяли вместе и рыбу с них ловили. В деревнях Бараново и Пантелеево только на собранных из теса лодках плавали»<sup>70</sup>. Интересно, что подобное же плавсредство из выдолбленных и соединенных попарно колод было известно в XIX веке в Грязовецком уезде Вологодской губернии, где оно использовалось для перевозки через реки. Однако, выясняя пути возникновения подобного транспортного средства, параллели можно провести не только с юго-восточными территориями. Как оказалось, у вепсов Шимозерья нередко использовались сходные долбленые колоды (неясно, правда, соединялись ли они попарно). А у соседних с ними вепсов, проживавших в верховьях Ояти (Озерецковское общество), такие долбленые колоды носили даже название ругача<sup>71</sup>.

Следующими по значению среди транспортных средств можно поставить сани. Обилие болот и плохие грунтовые дороги, непроезжие значительную часть года, определили значительную роль зимнего транспорта. Зимой, когда морозом схватывало насыщенную с осени влагой землю, замерзали болота и реки, появлялась возможность установить прямые дорожные пути, чего нельзя было сделать в другое время года. Из-за

продолжительной зимы эти дороги оставались функциональными весьма долгий промежуток времени. Впрочем, сани нередко использовались и летом, так как из-за широких полозьев они могли пройти там, где телеги просто увязали в грязи. Поэтому в некоторых местностях Вологодской области население телег вообще не заводило. А в Шимозерье и в Ундовозерье использовались только четырехколесные телеги, двухколесных крестьяне у себя в хозяйстве не имели.

В районе, прилегающем к Ундовозерскому Погосту, «сани назывались дровнями. Сани были не одного типа. Дровни — это сани с прямым кузовом, не расширяющиеся к заду. А если за сеном ездили, то брали сани-розвальни: у них перед уже, а зад шире, так как привлекены иловые прутья и можно больше сена складывать. Бывает, кузов [верх. — А. Ж.] сплетут из веток и на дровни установят»<sup>72</sup>. Как уже было отмечено, за сеном на удаленные сенокосы ездили на санях, и до наступления зимы сено оттуда было не вывезти.

Полозья для саней и лыжи делались самими крестьянами из березы. На скользящую поверхность лыж ничего не приклеивали и не прибивали: «Лыжи все делали из березы, сами загнут. И к саням делали полозья из березы. Лыжи не обивали ничем, а дровни обивали — приколачивали узенькие железные шины»<sup>73</sup>.

### Послесловие

По своим природным условиям юг Вытегорского района не является столь экстремальным для жизни людей, как, скажем, Крайний Север, поэтому здесь менее отчетливо проявляется обусловленность развития человеческой культуры от окружающей природной среды, хотя и таких примеров мы находим немало. После проведенного исследования можно сказать, что житель Вытегорской земли стремился сгладить физиологически трудно переносимые особенности местной природной среды (например, низкие температуры зимой), но на мелкие неудобства старался не обращать внимания, предпочитая их перетерпеть. В частности, в народной культуре данной местности остались обойденными вниманием средства, отгоняющие комаров и прочих кровососущих насекомых. Местная народная одежда также не имела приспособлений для пребывания под дождем.

В то же время мы можем не заметить в народной культуре множества функциональных элементов, предназначенных для сохранения благоприятных для жизни условий в жилище и для предохранения от порчи запасов продовольствия. В повседневной жизни крестьянин использовал местные природные особенности, дабы облегчить транспортировку грузов. При сооружении построек учитывался микрорельеф местности и особенности грунта. Обеспечение продуктами питания было прямо связано с условиями среды.

И все же влияние природной среды на человеческую культуру не следует преувеличивать. Культура населения формируется под влиянием соседских заимствований, привнесений новых традиций переселенцами и эволюционного саморазвития. Особенности природной среды влияют на сортировку (выборку) элементов культуры и приводят к отбору из них наиболее подходящих, хотя, может быть, далеко не идеальных, так как отбор происходит из того, что есть в наличии. Влияние природной среды на этническую культуру происходит и еще по одной причине. Природные материалы, которые берет человек из окружающей среды для своих конструкций, во многом определяют форму последних. Таким образом, какие бы элементы традиционной культуры мы ни начали анализировать, почти везде проявится влияние природной среды.

Понимая свою зависимость от природы, сельский житель стремился не снижать, а, по возможности, повышать ее продуктивность. В частности, это видно на примере рыболовства. В настоящее время хищнический вылов рыбы и хищническая охота-браконьерство, которые ведутся на данной территории заезжими лицами, связаны с независимостью последних от этой территории. Если природные богатства территорий оскудеют, на жизни браконьеров это никак не отразится. Они, проживая в другой местности, могут даже не заметить последствий своей деятельности. Поэтому, на наш взгляд, распространение браконьерства во многом связано с исчезновением на данных территориях постоянного населения. Впрочем, прежнего быта сейчас не вернешь, да и не стоит его идеализировать.

Современная проблема масштабной рубки лесов для местностей, где работала наша экспедиция, в XIX веке еще не возникала, поскольку не представлялось возможности для вывозки леса. Подсечное земледелие и случавшиеся на протяжении столетий лесные пожары не идут ни в какое сравнение с современной лесозаготовкой. С лесозаготовкой связана и еще одна проблема, имеющая инфраструктурное и социальное значение, — это дороги. Когда начинают разработку лесных массивов, лесозаготовители подновляют дороги, чтобы иметь лучший доступ к лесу. Однако к тому моменту, когда лес заканчивается, дороги настолько разбиваются лесовозными машинами, что оказываются даже в худшем состоянии, чем были раньше. В свою очередь это усиливает изоляцию и без того неблагополучных населенных пунктов глубинки, какими являются поселения юго-западного Вытегорья.

## ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> Основной исследовательский состав был представлен преподавателями и студентами Вологодского государственного педагогического университета, проводившими изучение местной природной среды (изучением особенностей ландшафтов занимались Г. А. Воробьев — руководитель экспедиции, А. Г. Воробьев и студенты — Николай

Котов, Михаил Борисов, Екатерина Лабардина; изучением фауны — А. А. Шабунов, Н. Л. Болотова, С. В. Барсукова, студенты — Ирина Пименова, Александр Некрасов, Александра Гоменюк; изучением флоры — А. Н. Левашов, студенты — Евгения Барсовкина и Анна Аминова).

<sup>2</sup> Для удобства далее в тексте будут использоваться названия местностей по центральному озеру, хотя подразумеваться будет территория, прилегающая и к соседним озерам. Под Ундозерем иногда подразумевается не только район озер Ундозерской группы, а также Куштозерье и Ежозерье. Все эти территории расположены достаточно близко от Ундоозера (не далее 10—15 км), и жители их поддерживали непосредственный контакт между собой. Шимозерье же удалено от них на более значительное расстояние, в связи с чем и культура населения там имела некоторое своеобразие.

<sup>3</sup> Список селений в Олонецкой губернии с обозначением числа домов и жителей // Олонецкий сборник. Вып. 3. Отд. 3. Петрозаводск, 1894. С. 427—522 (но данным на 1873 г.).

<sup>4</sup> По сообщению Матвея Федоровича Омшева (1914 г. р.), род. в д. Пелкская (8 км от д. Шимозера), на юго-западе Вытегорского района.

<sup>5</sup> Фондовые данные за 2001 год отдела народонаселения Вологодского областного комитета государственной статистики.

<sup>6</sup> В 1929 году в д. Пелкская появился колхоз имени Ленина.

<sup>7</sup> По сообщению М. Ф. Омшева.

<sup>8</sup> Урожай до середины XIX века определялся в самах — умножением количества высеченного зерна (сам) на показатель в самах // Практические задания и литература по исторической метрологии, хронологии и русской палеографии. Вологда: ВГПИ, 1979. С. 9.

<sup>9</sup> Шустиков А. А. Тавренъга Вельского уезда // Живая старина. 1895. Вып. 2. С. 185.

<sup>10</sup> Там же.

<sup>11</sup> Челищев П. И. Путешествие по Северу России в 1791 году. СПб., 1886. С. 14—17.

<sup>12</sup> Исп. Ф. Крестьянский тупик (Село Куштозero) // Вестник Олонецкого губернского земства. 1912. № 10. С. 5 (так в источнике: Исп. Ф.).

<sup>13</sup> Слово косарь происходит от слова коса, и по внешнему виду лезвие этого орудия очень напоминает лезвие косы-горбушки. Косарь — это (если искать аналогию в современном мире) своеобразный вид мачете — большого тяжелого ножа для рубки кустарника и мелкого леса, но лезвие его загнуто в сторону режущего края, как это характерно для серпов и кос.

<sup>14</sup> Анишугами в той местности называли простое деревянное орудие, изготавливавшееся специально для подготовки подсеки и состоявшее из жерди с перекладиной на конце.

<sup>15</sup> После посева ржи это уже будет четвертый год, так как рожь как озимую культуру убирали только на третий год, когда все сроки посева яровых злаков уже прошли. По-видимому, хотя система земледелия и называлась трехпольем, реально «полей» должно быть четыре.

<sup>16</sup> Великий Андомский водораздел. Петрозаводск: КНЦ РАН, 2000. С. 49.

<sup>17</sup> Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. 2. Ч. 2. Олонецкая губерния / Составитель капитан Циммерман. СПб.: Тип. Департамента Ген. штаба, 1853. С. 89.

<sup>18</sup> По сообщению Анны Николаевны Киричевой (1923 г. р.), родом из д. Пантелеево (сейчас не существующей), живет в д. Бааново (1 км от бывшей д. Пантелеево) на Ундоозере.

<sup>19</sup> Майнов В. Н. Приоятьская чудь. (Весь—Вепсы). (Антропологический очерк) // Древняя и новая Россия. Т. 2. СПб.: Хромолитография и типография В. И. Грацианского, 1877. С. 133—134.

<sup>20</sup> Там же. С. 133.

<sup>21</sup> М а л и н о в с к а я Э. П. Из материалов по этнографии вепсов // Западнофинский сборник. Труды комиссии по изучению племенного состава населения СССР и со- предельных стран. Т. 16. Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1930. С. 183.

<sup>22</sup> М а й н о в В. Н. Указ. соч. С. 133.

<sup>23</sup> По сообщению Екатерины Гавриловны Ефимовой (Шимозеро, д. Фоминская), «щавель на лугах рос и около кустарников. Ходили его собирать. Варили щи из щавеля».

<sup>24</sup> «Щавель лесной собирали и солили про запас. Использовали его потом в суп, на салаты, в пироги». О сборах дикорастущего щавеля упоминается и в воспоминаниях А. Н. Киричевой, проживавшей на Ундоэзере в д. Пантелеево.

<sup>25</sup> Военно-статистическое обозрение... С. 72.

<sup>26</sup> М а й н о в В. Н. Поездка в Обонежье и Корелу. СПб.: Тип. В. Демакова, 1874. С. 52 – 53.

<sup>27</sup> Д а ш к о в В. Описание Олонецкой губернии в историческом, статистическом и этнографическом отношении. СПб.: Типография министерства внутренних дел, 1842. С. 172 – 173.

<sup>28</sup> По сообщению М. Ф. Омшева.

<sup>29</sup> По сообщению А. Н. Киричевой.

<sup>30</sup> По сообщению Владимира Тимофеевича Богданова, родом из д. Шимозеро, живет значительную часть года там же.

<sup>31</sup> По сообщению Е. Г. Ефимовой (в замужестве Беляковой, 1936 г. р.), родом из Шимозерья, д. Фоминская.

<sup>32</sup> По сообщению Е. Г. Ефимовой.

<sup>33</sup> По сообщению Алексея Дмитриевича Пудрова (Ундоэзеро, д. Пантелеево).

<sup>34</sup> По сообщению М. Ф. Омшева.

<sup>35</sup> По сообщению Е. Г. Ефимовой.

<sup>36</sup> По сообщению А. Н. Киричевой.

<sup>37</sup> По сообщению Е. Г. Ефимовой.

<sup>38</sup> Военно-статистическое обозрение ... С. 101.

<sup>39</sup> По сообщению А. Д. Пудрова (1930 г. р.) родом из д. Пантелеево, последние 40 лет живет в д. Бараново (1 км от старой деревни).

<sup>40</sup> По сообщению Е. Г. Ефимовой.

<sup>41</sup> По сообщению Е. Г. Ефимовой.

<sup>42</sup> По сообщению Клавдии Николаевны Исаевой, с 1947-го года живет в Ундоэзерском Погосте.

<sup>43</sup> М а й н о в В. Н. Указ. соч. С. 134.

<sup>44</sup> По сообщению Е. Г. Ефимовой.

<sup>45</sup> По сообщению М. Ф. Омшева.

<sup>46</sup> По сообщению А. Н. Киричевой.

<sup>47</sup> Военно-статистическое обозрение ... С. 101.

<sup>48</sup> По сообщению А. Д. Пудрова.

<sup>49</sup> По сообщению М. Ф. Омшева.

<sup>50</sup> По сообщению М. Ф. Омшева, «...мясо вывешивали вялиться на чердаке, но окошко было открыто все время, чтобы проветривалось».

<sup>51</sup> По сообщению М. Ф. Омшева.

<sup>52</sup> По сообщению Е. Г. Ефимовой.

<sup>53</sup> По сообщению Е. Г. Ефимовой.

<sup>54</sup> О сь к и н А. Ундоэзерское жизнеописание (Воспоминания жительницы д. Ундоэзера на конец XIX – начало XX в.) // Север. 1988. № 12. С. 92 – 104.

<sup>55</sup> Окошки в подполье (в подъязыице) были маленькие, высотой в толщину бревен сруба, наподобие старинных волоковых окон.

<sup>56</sup> По сообщению Е. Г. Ефимовой.

- <sup>57</sup> По сообщению М. Ф. Омшева.
- <sup>58</sup> По сообщению Е. Г. Ефимовой.
- <sup>59</sup> По сообщению А. Н. Киричевой.
- <sup>60</sup> По сообщению Е. Г. Ефимовой.
- <sup>61</sup> По сообщению А. Н. Киричевой.
- <sup>62</sup> О з е р е ц к о в с к и й Н. Я. Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому. Петрозаводск: Карелия, 1989. С. 83.
- <sup>63</sup> По сообщению Е. Г. Ефимовой.
- <sup>64</sup> По сообщению А. Д. Пудрова.
- <sup>65</sup> По сообщению М. Ф. Омшева.
- <sup>66</sup> З а б а в н и н И. Деревня Заручавье Лодыгинской волости Каргопольского уезда (Домашний быт и экономическое состояние крестьян) // Вестник Олонецкого губернского земства. 1910. № 7. С. 17.
- <sup>67</sup> По сообщению Е. Г. Ефимовой.
- <sup>68</sup> По сообщению Е. Г. Ефимовой.
- <sup>69</sup> По сообщению Е. Г. Ефимовой.
- <sup>70</sup> По сообщению А. Н. Киричевой.
- <sup>71</sup> М а л и н о в с к а я З. П. Указ. соч. С. 179.
- <sup>72</sup> По сообщению К. Н. Исаевой (Ундозерский Погост).
- <sup>73</sup> По сообщению К. Н. Исаевой.

